

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории России XVII в. традиционно включает в себя исследования на уровне регионов. События, происходившие в уездах Русского государства, позволяют глубже понять политические, экономические и социальные процессы эпохи затяжных и кровопролитных войн, крупных восстаний, церковных распрей. «Бунташное время» началось Смутой 1604-1618 гг., а завершилось глубоким системным кризисом 1680-х гг., выходом из которого стали реформы Петра I, изменившие весь облик страны и положившие начало новой эпохе. Сохранившиеся источники по истории уездов XVII в. позволяют на региональном уровне, во-первых, детально проследить изменения в помеотно-вотчинном землевладении и в самом господствующем классе служилых землевладельцев; во-вторых, выявить последствия оформления общегосударственной системы крепостного права; в-третьих, оценить влияние войн, эпидемий, социальных волнений и массовых побегов крестьян на демографическую ситуацию; в-четвертых, изучить формирование и деятельность воеводской администрации и местного самоуправления.

Среди регионов Русского государства XVII в. Арзамасский уезд занимает особое место: здесь своеобразно сочетались общерусские черты и местные особенности развития. Первые объяснялись однотипностью экономического уклада, административного устройства и управления; вторые – составом населения, различного по этническому составу и религиозной принадлежности. В Арзамасском уезде с конца XVI века преобладало русское православное население, наряду с которым тут проживали и мордовские племена с их традиционными верованиями, а также татары, исповедовавшие ислам и поселившиеся на землях по р.Пьяна и ее притокам не позднее XVI в. Были особенности и в развитии хозяйства: природные условия и почвы благоприятствовали земледелию, что привело к росту вотчин и поместий, а в XVIII-XIX вв. сделало юг и юго-восток Нижегородской губернии наиболее «дворянским» (по сравнению, например, с северными Балахнинским и Семеновским уездами). Сохранилась достаточно полная источниковая база для изучения региона; документы кон.XVI-XVII вв. последовательно вводятся в научный оборот с начала прошлого столетия¹. Публикуемый нами сборник документов призван

---

¹ Важнейшими публикациями являются: Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты 1578-1618 годов. М., 1915; Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып.4. Писцовая книга Арзамасского уезда (1621-23 гг.). Часть 1. Станы Тешский, Ичаловский, Иржимский и Подлесный. Под ред.А.К.Кабанова. Н.Новгород, 1915. Из новейших: Морохин А.В., Сироткин С.В. Крестоприводная книга г.Арзамаса 1676 года // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Выпуск 14. Н.Новгород, 2016. С.104 -116.

продолжить эту работу, пополнив комплекс источников для написания научной истории Арзамасского края в допетровскую эпоху².

Известные к настоящему времени свидетельства источников позволяют связать возникновение Арзамасского уезда с покорением Казани в 1552 г. и вхождением земель, граничивших с «Казанским царством», в состав Московской Руси. Процесс этот документирован слабо, но можно предполагать по косвенным данным, что территория, прилегавшая к р.Теше и ее притокам, первоначально управлялась из Мурома и подверглась нападению в начале так называемой «первой черемисской войны» 1552-1557 гг.³ Но вскоре с целью защиты приграничного края строится город-крепость Арзамас, ставший военно-административным центром нового уезда⁴.

---

² К настоящему времени научной истории Арзамасского края в допетровскую эпоху не существует. Имеющаяся книга Н.М.Щеголькова не может претендовать на научность и интересна скорее как свод местных легенд и представлений арзамасцев о своем прошлом, а также сведений по церковной истории (см.: Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911). Книга Н.Ф.Филатова «Арзамас в XVII веке» (Арзамас, 2000) имеет подзаголовок, отражающий ее жанр и структуру: «Очерк истории. Документы». Очерк носит научно-популярный характер, но выводы автора не могут быть приняты, пока не выяснены его источники, ссылки на которые отсутствуют. Изданные Н.Ф.Филатовым источники, частично публиковавшиеся ранее, носят выборочный характер; приложенные к очерку тексты девяти документов Арзамасской приказной избы относятся к петровскому времени (1688-1698 гг.).

³ О нападении на «муромские пределы» см.: Рыков Ю.Д. Малоизвестная запись синодика Московского Архангельского собора о детях боярских, погибших в боях за рекой Ошитом во время похода русского войска из Казани и Свияжска в июне 1556 г. // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и ранее новое время. Сб. статей памяти академика Л.В.Черепнина. М., 2010. С.115 (здесь же – ссылки на работы по этому вопросу). О датах «черемисских» войн см.: Бахтин А.Г. К вопросу о периодизации истории Марийского края XIII-XVI веков // Марийский археографический вестник. 2014. № 24. С.68-75.

Учитывая географию действий черемис, напавших в кон.1552-1554 гг. на села и деревни «нижегородские, муромские и вятские» («арзамасские» не упомянуты!), под «муромскими» следует понимать поселения поблизости от других объектов нападения. В источниках нет сведений об осаде черемисскими повстанцами Мурома и проникновении за Оку, к западу от уездного центра, что было бы совсем невероятным. Гораздо вероятнее набег на поселения к востоку от Мурома, находившиеся по р.Теше и ее притокам. Их-то, скорее всего, и считали «муромскими» в нач.1550-х гг. Предположение тем более вероятно, что в арзамасском служилом «городе» с момента его возникновения заметно преобладали дети боярские муромского происхождения (см. ниже).

⁴ Версия краеведов о возникновении Арзамаса как одного из мордовских поселений еще в XIV в. (см.: Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке. Очерк истории. Документы. Арзамас, 2000. С.17), не может считаться доказанной. Тем более нет оснований принимать всерьез позднюю топонимическую легенду о создании города двумя братьями («Арзай и Масай»). Не выдерживает источниковедческой критики предание о личном участии Ивана Грозного в создании Арзамаса во время похода на Казань в августе 1552 г.: молодого царя, по его собственному свидетельству, везли под охраной на судне по Волге (см. в «Первом послании к Курбскому», БЛДР. Т.11. Под ред. Д.С.Лихачева и др. СПб., 2001. С.48, 50: «Аки плѣнника всадивъ в судно, везяху зѣло с малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю»). Поэтому нельзя считать датой основания Арзамаса 1552 год. Точно

Одновременно в новом уезде начинается испомещение служилых людей, носившее, по-видимому, массовый характер в 1556-1563 гг.⁵ В 1560/61-1562/63 гг. нижегородские писцы Григорий Никитич Сукин, Неклюд Девочкин и дьяк Дементий Слугин составили первое описание нового уезда Русского государства⁶.

Территория и внутреннее деление Арзамасского уезда формировались постепенно: первоначально возникли четыре небольших западных стана – Тешский, Иржинский, Ичаловский и Подлесный, получившие общее название «утишные» (то есть «у реки Тъши»); затем возник большой восточный стан – Залесный (в документах реже «Залеский»). Расширение территории потребовало новых описаний, которые выполнили в 1574/75 г. писцы Никита Яхонтов и Матвей Могутов «с товарищи» и в 1583-1585 гг. - писец Игнатий Зубов и подьячие Бессон Пахирев и Рахманин Воронов, описавшие, наряду с уездом, и посад Арзамаса⁷. Непосредственно вслед за тем, в 1586/87 г. арзамасский наместник и воевода Никифор Павлович Клементьев-Чепчугов провел последнее массовое испомещение служилых, которые, наряду с поместьем в «утишных» станах, получили землю и в стане Залесном. Судя по сохранившимся актам, гидронимы в Залесном стане угрофинского (мордовского) происхождения, а топонимика происходит преимущественно от имен, фамилий и прозвищ русских землевладельцев, что позволяет предполагать слабую заселенность этих земель автохтонными народностями⁸.

В период кон.XVI-нач.XVII вв. жизнь Арзамасского уезда была подчинена военно-стратегической задаче: прикрытию юго-восточных границ Московского государства от набегов степняков-ногайцев. С этой целью была создана система засек, прикрывших уезд. Южная линия, защищавшая уезд от «Дикого поля», именовалась «Пузской засекой». Внутренняя засечная линия, начинаясь от Арзамаса, шла до истоков р.Теша и далее по р.Алатырь до

датировать строительство здесь русской крепости не удастся: это произошло в промежутке между 1552-1576 гг. Наиболее вероятная, на наш взгляд, дата – около 1560 г., но вопрос этот заслуживает дальнейшего изучения.

⁵ По мнению Ю.В.Мигунова, опиравшегося на косвенный источник (пометы в Дворовой тетради 1550 г.), формирование служилого «города» в Арзамасском уезде началось в 7065-м (1556/1557) г. См.: Мигунов Ю.В. История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV-первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамасского уезда). Дисс. ... к.и.н. Н.Новгород, 2001. С.124-125.

⁶ См.: Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. II. М., 1916. С.572-573.

⁷ Там же.

⁸ Здесь примечательны не только населенные пункты с названиями от фамилий типа «Языково», «Лопатино», «Чуфарово» и т.п., но и от прозвищ типа «Кудеярово», «Ветошкино», «Растово». Кратко об этом см. в комментариях к текстам публикуемых документов. Интересные наблюдения о поселениях уезда и границах станов приведены А.А.Гераклитовым, но его тезис о вхождении территории Арзамасского уезда в состав Московского государства во второй половине XV в. требует доказательств. (См.: Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII-XVIII веков. Саратов, 1930 (Репринт: Н.Новгород, 2013). С.9-15).

р.Сура и фактически отделила от «утишных» станов стан Залесный. В засечной черте у сел Шатки и Собакино были устроены основные проходы в Залесный стан, так что поселения здесь именовались «Залесного стана за Собакинскими (или: Шатковскими) вороты». В самом Арзамасе построили крепость, сохранявшую военное значение почти до конца XVII в.: на вооружении здесь имелись пушки, а гарнизон составляли стрельцы (до полутора сотен) и пушкари (свыше двадцати)⁹. Для обороны значительной территории была создана сильная в военном отношении служилая корпорация, насчитывавшая в разные периоды порядка 400 или чуть больше детей боярских. Наконец, в 1576 г. состоялось первое назначение воеводы в Арзамас, зафиксированное в разрядной книге 7084-го (1575/76) г.: уезд возглавил Григорий Дмитриевич Бобров Шетнев¹⁰.

Организация управления уездом соответствовала практике, принятой на землях «от казанской украины», где долгое время сохранялась опасность набегов извне. Арзамас, как и Нижний Новгород, относили то к «понизовым», то к «замосковским» городам¹¹. Ведомственная подчиненность Арзамасского уезда, по С.Б.Веселовскому, была следующей: посад Арзамаса, бортные и мордовские села и деревни ведались в Новгородской чети; служилые и монастырские земли – сначала там же, а позже – в Поместном приказе; татарские земли – в приказе Казанского Дворца¹². Вся полнота власти в уезде принадлежала воеводе, который назначался Москвой (Разрядным приказом) из состава Государева двора¹³. На воеводство в

---

⁹ О крепости, ее вооружении и гарнизоне см.: Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков. М., 2006. С.349; Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке..., с.22-27.

¹⁰ Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.271. Примечательно, что «военную окраину» почти сразу же стали использовать как место ссылки: в 1584 г. в Арзамас был сослан и скончался здесь в опале казначей Петр Иванович Головин (Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI-XVII веков. М., 2004. С.121, источник - записки Д.Флетчера и Дж.Горсея).

¹¹ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд.2. М., 1937. С.85.

¹² Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.II. М., 1916. С.572. Утверждение Н.Ф.Филатова о «ведавших тогда Арзамасским уездом Пушкарском и Новгородском центральных приказах» (так у автора, см.: Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке..., с.28-29) источниками не подтверждается. Возможно, это искажение данных, приведенных С.К.Богоявленским: Арзамасская засека в 1626 г. была в Пушкарском приказе, а в 1635 г. – в Разряде (Московский стол); сметный список по городу направлялся в Новгородскую четь (см.: Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат..., с.353, а также с.371).

¹³ О порядке документального оформления назначений, общего для всех уездов России, см. в статье: Швейковская Е.Н. назначения на воеводскую службу в северорусские города в XVII в. // Сословия, институты и государственная власть в России..., с.742-743. О полномочиях и финансовом обеспечении арзамасских воевод и наместников дает представление «Доходный список, данный Никифору Павловичу Клементьеву Чепчугову на пожалованный ему в кормление г.Арзамас с уездом с Благовещения (25 марта) 1585 г.» (опубликован: Акты служилых землевладельцев XV-начала XVII века. Т.I. М., 1997. С.289-291).

Арзамас назначали, как правило, дворян московских, реже стольников. В своей деятельности воевода опирался на орган административного управления уездом – приказную (съезжую) избу, которую возглавлял дьяк – ближайший помощник воеводы по административным вопросам. В Арзамасский уезд, в силу его окраинности и в условиях нехватки приказных чинов высокого ранга, нередко вместо дьяков назначали подьячих «с приписью», то есть с правом визирования документов, адресованных в столичные приказы. Обычно в приказных избах крупных уездов действовало несколько столов – поместный, ямской, судный и др., во главе которых стояли «старые» (то есть старшие по рангу) подьячие. Но в Арзамасском уезде такая структура приказной избы выдерживалась не всегда, и были периоды ощутимой нехватки подьячих не только «старых», но и «молодых». Судя по тексту публикуемых нами документов, с поручениями («доездами») приказной избы регулярно направлялись «служилые по прибору» – арзамасские пушкари. В составлении документов активное участие принимали площадные подьячие – частные лица из числа посадских «тяглецов», выполнявшие нотариальные функции.

Наряду с приказной избой в уезде существовали и органы сословного и местного самоуправления. В опубликованных поместных актах кон.ХVI-нач.ХVII вв. регулярно упоминаются городовые приказчики, исполнявшие административные (реже судебные) поручения столичных приказов: Немир Иванов сын Нармацкий (упоминается с 1585 г., отставлен в 1592 г., умер тогда же); Юмшан Иванов сын Лобанов – выбран в 1592 г. (беспоместный новик), в 1606 г. отказался присягнуть Лжедмитрию II и отъехал в Нижний Новгород, вновь приказчик в 1611 г. (от имени ополчения), последнее упоминание в 1617 г. Известен и первый губной староста – Семен Тимофеев сын Шильников (упоминается с 1582 г. по 1611 г. включительно). В силу особенностей уезда здесь существовали военно-административные должности: осадный голова, отвечавший за организацию гарнизонной службы в Арзамасе, и засечный голова, ведавший устройством и поддержанием засек. Делами и службой коренного мордовского населения и бортников в уезде ведал мордовский и бортничный голова¹⁴. Известна также должность объезжего головы, выполнявшего в 1653 г. конкретное поручение: «ехать в Арзамасский уезд для того, чтобы поместья и вотчины тамошних иноземцев» отписать на государя¹⁵. Все перечисленные должности традиционно занимали представители уездной служилой корпорации. Существовала в Арзамасе и земская изба – орган хозяйственного самоуправления посадского населения г.Арзамаса (купцов, ремесленников) и лично свободных крестьян уезда, но время ее возникновения определить сложно; к тому же роль земских старост в управлении регионом была

¹⁴ Упоминаются в документах, процитированных Н.Ф.Филатовым (источник автором не указан): Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке..., с.20-21. См. также док.№ 46 нашего сборника.

¹⁵ Орленко С.П. К вопросу о статусе «иноверцев» в России и Европе в средние века // Сословия, институты и государственная власть в России..., с.717.

сравнительно невелика, ограничиваясь раскладом мирских податей, выбором таможенного головы и т.п.¹⁶.

Большой научный интерес для истории Арзамасского края представляет изучение истории служилого «города»: происхождение уездной дворянской корпорации, ее социальные слои, динамика численности и служебного статуса. Эти вопросы достаточно подробно рассмотрены Ю.В.Мигуновым, с привлечением большого круга источников¹⁷. Анализ этих источников позволил автору сделать весьма интересный вывод о целях правительственной политики: «Создавая во второй половине XVI в. на пограничных землях новые служилые организации, московское правительство не только преследовало стратегические цели, но и разрешало проблему нехватки поместных земель в центре. На новых землях помещались и представители сильно размножившихся малоземельных фамилий, и поспевшая в службу молодежь-новики, которые верстались

---

¹⁶ См., например, опубликованный источник 1677 г. в книге: Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке..., с.78-79. См. также: Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат..., с.485-486. О взаимодействии воеводского аппарата и самоуправления см. новейшую работу: Колесникова Е.А., Маландин В.В., Рогожин Н.М. Государственное и церковное управление в России в XVI-XVII вв.: общее и особенное // Российская история. М., 2015. С.54-73. Принципиальное значение имеет вывод авторов (с.69): «Политика правительства и в конце XVII столетия была направлена на включение выборной практики в формирующуюся бюрократическую систему управления, поиск путей и форм такой интеграции».

¹⁷ Мигунов Ю.В. История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV-первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамасского уезда). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Н.Новгород, 2001. (356 с.). Автор опирался на изучение несохранившейся, но известной по выписи арзамасской десятины 1589 г., где содержится косвенное указание на еще более ранние десятины («что кому старой поместной оклад»); опубликованной десятины 1597 г. (сохранилась не полностью); несохранившихся десятен 1599/1600 и 1605 гг. (упомянуты в выписи); десятного списка 1613 г. (результат деятельности Арзамасской приказной избы, в отличие от десятен, составлявшихся Разрядным приказом); десятен 1615 г. и 1649 г. (сохранились не полностью). В числе недостатков работы следует отметить то обстоятельство, что Ю.В.Мигунов не обращался к фонду Арзамасской приказной избы и писцовым книгам, ограничившись десятнями, родословными сказками (подлинниками и копиями) из более позднего фонда 639 «Нижегородское губернское депутатское собрание», а также опубликованными к тому времени источниками о служилых. Вне рассмотрения остались служилые татары, численность которых едва ли значительно уступала русской части арзамасского «служилого города» и которые были весьма заметны среди помещиков и вотчинников Арзамасского уезда. Автор лишь отметил: «В Арзамасском уезде так и не сложилось, во всяком случае, во второй половине XVI – первой половине XVII вв., особой группы служилых поместных иноземцев – «литвы и немец»» (там же, с.154). Скорее всего, это было следствием существования многочисленной группы служилых татар.

Не обошлось в работе Ю.В.Мигунова и без досадных ошибок. Так, хорошо известного служилого Прокофия Федорова сына Любятинского, уничижительно именовавшего себя «Пронькой» в опубликованной челобитной 1636 г., исследователь назвал «Прохором» (Мигунов Ю.В. Диссертация, с.253). Тем не менее, искренне жаль, что столь ценная работа остается неопубликованной и не получила продолжения.

поместными и денежными окладами уже на новых местах службы»¹⁸. По наблюдениям исследователя над социальным обликом раннего арзамасского дворянства, «...захудавшие, опальные, жертвы опричнины – это и причины приобщения к арзамасской служилости, и лицо высшего генеалогического слоя служилых людей боярского происхождения в арзамасской служилой организации». При этом перевод во вновь создаваемую служилую организацию на небезопасной «украине» сопровождался зачастую понижением статуса: дети боярские дворовые становились городовыми, и нельзя исключить здесь проявление репрессивной политики Ивана IV¹⁹.

Сложнее с установлением места прежней службы большинства фамилий, вошедших в состав арзамасского служилого «города». Ю.В.Мигунов справедливо замечает: «Многие служилые фамилии к моменту испомещения их представителей в Арзамасе успели рассредоточиться по нескольким уездам. Отсутствие или неполнота родословий этих фамилий за XVI в. позволяют нам для их большинства лишь обозначить факт их принадлежности к служилым организациям того или иного уезда»²⁰. Исследователь отметил значительную роль Нижнего Новгорода в создании арзамасской служилой организации и оформлении Арзамасского уезда в военно-административном отношении: «Нижний Новгород того времени использовался московским правительством как наиболее близкий к Арзамасу плацдарм или исходный пункт колонизации арзамасских мордовских земель», «как сборный центр для служилых людей, предназначавшихся для испомещения в Арзамасе, из него были направлены и писцы для описания земель Арзамасского уезда»²¹.

В итоге Ю.В.Мигунов сделал вывод: «Кадры для перевода в Арзамас набирались практически из всех служилых уездных организаций того времени. Какую-либо закономерность здесь проследить трудно»²². Однако наши наблюдения, основанные на источниках, введенных в научный оборот преимущественно в последние два десятилетия, позволяют выявить эту закономерность: «служилые по отчеству» для Арзамасского уезда набирались преимущественно из пограничных уездов, «от украины» - прежде всего, «казанской», а затем от «берега», «немецкой» и в меньшей степени «литовской». Именно поэтому в арзамасском служилом «городе» преобладают потомки выходцев из Муромского уезда, сыгравшие, по-видимому, ключевую роль в формировании местного дворянства. Несколько меньше фамилий, происходивших из уездов Рязанской земли, а новгородцы,

---

¹⁸ Там же, с.120.

¹⁹ Там же, с.202, 207.

²⁰ Там же, с.147.

²¹ Там же, с.127. Попутно был поставлен под вопрос, например, перевод служилых в Арзамас из Коломны (там же, с.141).

²² Там же, с.154.

псковичи, нижегородцы и выходцы из других уездов представлены значительно скромнее²³.

На основе анализа десятен Ю.В.Мигунов постарался показать историю арзамасского служилого «города» в развитии. В десятне 1597 г. (в более поздних списках) поименовано 84 человека (что слишком мало для Арзамаса!), без разделения на дворовых и городских, хотя в выписях из недошедших десятен 1599/1600 и 1605 гг. говорится об «арзамасских дворянах и детях боярских»²⁴. Десятный список 1613 г. называет 466 «служилых по отечеству», в том числе 11 выборных дворян, 25 дворовых и 430 городских детей боярских, а десятня 1615 г. - 391 служилых, в том числе 3 выборных дворянина, 16 дворовых и 369 городских детей боярских²⁵. В последнем случае был приведен не весь состав служилого города: 63 служилых, лучших по службе, были отправлены под Смоленск для «литовского съезда», то есть встречи с послами Речи Посполитой²⁶.

Известно, что в 138-м (1629/30) г. по разбору на Москве было выдано денежное жалованье «для службы» 526 арзамасцам (по численности – на 12 месте из 85; для сравнения: нижегородцев – 302 чел.). Тогда же в Арзамасе было 26 пушкарей и затинщиков, 2 воротников, 1 кузнец (для сравнения: в Нижнем Новгороде 20 пушкарей, 3 затинщиков, 12 воротников), а также 210 служилых князей и мурз и татар²⁷. В неопубликованной десятне 1649 г., где учет велся по половинам и часть текста была утрачена, по подсчетам Ю.В.Мигунова учтены: 1) 15 выборных, 44 дворовых и 99 городских детей боярских, 55 служилых и 35 неслужилых новиков; 2) 20 выборных, 34 дворовых и 92 городских детей боярских, не менее 16 новиков. Таким образом, всего в составе арзамасского служилого «города» к середине XVII в. числилось не менее 406 человек: 33 выборных, 78 дворовых и 189 городских детей боярских, а новиков не менее 71 служилого и 35 неслужилых. Учитывая, что в источниках указана общая численность 592 «служилых по отечеству», Ю.В.Мигунов предполагает службу остальных в составе полков иноземного строя, то есть в рейтарах, драгунах, солдатах²⁸. Всего же, по мнению исследователя, в арзамасскую служилую организацию входило около 240 фамилий, из них не менее 10 – предположительно²⁹.

Продвижение арзамасских детей боярских по службе, попадание в выбор и далее включение в состав Государева двора были, как правило, результатом действий членов семьи в период Смуты. Впервые выборные по Арзамасу (а также по Нижнему Новгороду, Мещере, Луху, Карачеву, Орлу и

---

²³ Подробнее, на примере конкретных фамилий, см. в комментариях к публикуемым в сборнике документам.

²⁴ См.: Мигунов Ю.В. Диссертация..., с.212, в том числе со ссылкой на работу: Юшков А.И. Акты XIII-XVII вв. Ч.I. //ЧОИДР. Кн.Ш. М., 1898. С.283-285.

²⁵ Там же, с.212-213.

²⁶ Там же, с.214-215.

²⁷ Сметный список 139-го (1630-1631) г. // Временник ОИДР. Кн. 4. 1849. С.20, 26, 47.

²⁸ Мигунов Ю.В. Диссертация, с.217-218.

²⁹ Там же, с.202-203.

Стародубу) появились в боярском списке 1602-1603 гг. Ранее, в 1588-1589 гг., здесь выбора не было. Дети боярские, включенные в выбор, вскоре были допущены в четь и начали получать оттуда денежное жалованье. При этом допуск в четь не регламентировался территориальным принципом³⁰. Пожалуй, именно стремлением продвинуться по службе и сделать карьеру объясняется тот факт, что сравнительно молодой арзамасский служилый «город» принял в событиях Смутного времени столь активное участие, и едва ли не с самого начала. Так, в 1604 г. в составе русского войска, посланного против Самозванца, было 328 «арземасцов», включенных в полк «правой руки». Кроме того, в войске был отряд арзамасских татар – 79 чел. (головой этого отряда, а также татар алатырских, цненских и мордвы – всего 335 чел. – был Смирной Мотовилов); в «левой руке» было 100 чел. арзамасской мордвы и столько же мордвы нижегородской, с бортниками³¹. В 1606-1610 гг. арзамасцы поддерживали Лжедмитрия II, и вооруженные попытки привести их в повиновение правительству царя Василия Шуйского оказывались успешными лишь на короткое время. Перелом наступил в 1611 г., когда арзамасцы признали власть «Первого» ополчения, но не слишком охотно подчинялись его решениям³². Более твердой оказалась поддержка арзамасцами «Второго» ополчения: они приняли участие в походе на Москву и сражались под стенами столицы, причем арзамасец Ф.В.Левашев был головой в передовом отряде³³. В 1618 г., во время похода польского королевича Владислава на русскую столицу, арзамасские выборные вместе с представителями других уездов «сидели в осаде на Москве» и участвовали в последних сражениях Смуты. Победители сделали карьеру в правление царя Михаила Федоровича Романова, а их дети получили хорошие «стартовые позиции» для службы в составе Государева дворе.

Весьма показателен количественный рост выборных детей боярских по Арзамасу: в 1602/03 г. – 1 чел.; в 1610/11 г. – 8 чел.; в 1613 г. – 11 чел.; в 1621/22 г. – 19 чел.; в 1626/27 г. – 24 чел.; в 1649 г. – 33 чел. Одновременно возрос и верхний предел поместных окладов: с 400 четвертей в 1602/03 г. до 900 в 1621/22 г. (при том, что не мог превышать 1000 четвертей)³⁴. За этими сухими цифрами скрываются судьбы живых людей: возвышение Левашевых, падение Киреевых, успех Болтиных и измельчание Кашкаровых, - словом,

---

³⁰ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора..., с.58, 137-138.

³¹ Там же, с.391, 417, 420.

³² Так, 5 сентября 1611 г. от «Первого» ополчения были посланы грамоты в города о сборе шуб для ратных людей, но Арзамаса в этом перечне нет (см.: Веселовский С.Б. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611-1613 гг. М., 1911. С.29-31). Тогда же арзамасцы не приняли смолян и других служилых людей Западного края, бежавших от поляков и испомещенных «Первым ополчением» в Арзамасском уезде. Об участии арзамасцев в Смуте на стороне Лжедмитрия II см.: Народное движение в России в эпоху Смуты в начале XVII века, 1601-1608: Сб. документов. М., 2003. С.50, 112-116, 143, 290-292, 319-320, 337, 339.

³³ См.: Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611-1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т.2. Н.Новгород, 2011. С.48-49, 54, 68-69, 83-84.

³⁴ Мигунов Ю.В. Диссертация, с.230-231.

все то, что показано (поневоле кратко) в комментариях к публикуемым документам.

Служебные успехи и неудачи детей боярских на фоне бурных событий XVII века влияли на структуру землевладения в Арзамасском уезде. После Смуты усилилось «проникновение» вотчин крупной столичной аристократии и чинов Государева двора в поместное землевладение провинциальной служилой корпорации. В этом смысле характерны вотчинные пожалования в Арзамасском уезде тем, кто не только не относился к служилому «городу», но и поместий здесь ранее не имел – например, боярину Б.М.Салтыкову, князьям Ромодановским, окольникову Л.И.Карпову-Долматову³⁵. Арзамасской служилой мелкоте пришлось на собственном опыте познать правоту афоризма Даниила Заточника: «Не держи села близ князя села», ибо «сильные мира сего» немедленно занялись «округлением» своих вотчин. Ответной реакцией арзамасских помещиков стали попытки преодолеть владельческую чересполосицу. По замечанию Т.А.Лаптевой, изучавшей эволюцию служилого «города», для правительственных инициатив с конца XVI в. было характерно противоречие между теоретическим замыслом концентрации всей земельной собственности членов одной корпорации внутри одного уезда и практической невозможностью осуществить этот замысел. Справедливо наблюдение исследовательницы: «Источники свидетельствуют о желании членов уездных корпораций путем мены, купли, наследования, других сделок сконцентрировать свои владения в одном уезде и одной населенной местности»³⁶. Количество таких источников по Арзамасскому уезду достаточно велико.

Освоение земель, развитие поместно-вотчинных отношений, смена землевладельцев и даже административной подчиненности ряда территорий (так, Завадский стан, исторически отнесенный к Курмышскому уезду, в начале 1620-х гг. стал «Арзамасской приписи») побуждали правительство к проведению «письма» - подворной переписи населения с описанием городов, сел и деревень, земель и угодий. «Письмо» открывало возможность увеличения взимаемых податей, столь необходимых в условиях затяжных войн. Уже с XVI в. были введены общегосударственные налоги – «полоняничные» деньги, откуп за кормы отставляемых кормленщиков, ямские деньги; в XVII в. к ним добавились стрелецкий хлеб и деньги за хлеб ратным людям. С.Б.Веселовский привел перечень известных ему дозоров и описаний земель Арзамасского уезда³⁷:

---

³⁵ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. М.-Варшава, 2009. С.144, 178.

³⁶ Лаптева Т.А. Эволюция служилого «города» // Сословия, институты и государственная власть в России..., с.685. О правовой основе поместно-вотчинного землевладения после принятия Соборного уложения 1649 г. см.: Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002. С.34-64.

³⁷ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.П. М., 1916. С.572-573. См. также комментарии к

В 121-м (1612/13) г. уезд дозирали писцы Федор Дементьев и Петр Копнин; мордовские и бортные села в 121-122 гг. – Петр Копнин с подьячим Емельяном Евсевьевым, затем Федор Дементьев с тем же подьячим; упоминается также дозор мордовских сел Семена Родионова.

В сентябре 128-го (1619) г. был дан наказ о дозоре Федору Ивановичу Сычову и подьячему Исааку Парфеньеву.

В конце 128-го или в начале 129-го года (лето-начало осени 1620 г.) описывать посад и уезд посланы Тимофей Васильевич Измайлов и Несмеян Чаплин с дьяком Афанасием Истоминым (последний был заменен в 1623 г. на дьяка Шестака Копнина и подьячего Маркела Амирева). Писцовые книги, составленные Т.В.Измайловым «со товарищи» в результате сплошной переписи уезда, были поданы в Новгородской чети в 136-м (1627/28) г. и стали основой не только учета землевладения на долгие годы, но и налогообложения. По итогам письма посад Арзамаса (со слободкой Спасского монастыря) был положен в оклад 595 и 5/6 чети; при этом в Новгородскую четь взималось «всяких доходов около 58 руб. с полтиной»³⁸. Впрочем, кризис 1630-х гг., вызванный неудачами и потерями в ходе Смоленской войны, вынудил правительство уменьшить почти на треть оклады городских посадов, в том числе и Арзамаса, оклад которого составил в итоге 400 и 5/12 четей.

В 140-141 (1631/32-1632/33) гг. мордовские и бортные села описывали Василий Жуков и подьячий Иван Блудов, а в 149-м (1640/41) г. Даниил Зубов и подьячий Родион Иванов провели дозор, но, видимо, только мордовских земель.

В 154-м (1645/46) г. Федор Лызлов и подьячий Матвей Андреев провели масштабную перепись Арзамасского уезда. В 185-186 (1676/77 и 1677/78) гг. те же земли были описаны Василием Киреевым и подьячим Григорием Молчановым. Практически тогда же, в 186-м (1677/78) г. Яков Сергеев сын Вышеславцев и подьячий Иван Валяев переписали посад Арзамаса и 4 «утишных» стана, а Иван Федоров сын Анненков и подьячий Семен Самуилов переписали Залесный стан («за Шатковскими и за Собакинскими вороты»). Сопоставление писцовых книг 1645/46 г. и 1677/78 г. дает уникальную возможность проследить динамику помещтно-вотчинного землевладения и социально-демографического развития Арзамасского уезда.

По подсчетам исследователей, изучавших арзамасские писцовые книги разных лет, если в нач. XVII в. в Арзамасе насчитывалось чуть более 400 жилых дворов, то в 1646 г. – уже 976 дворов и изб, в которых проживало порядка 4,5 тыс. человек тяглецов; в 1678 г. последний показатель не

док. № 20 публикуемого сборника, где упомянуты дозоры и описания Арзамасского у., не указанные С.Б.Веселовским.

³⁸ Там же, т. I, с. 148, 202-211. Для сравнения: в этот же период оклад Балахны составлял 1025 четей, Нижнего Новгорода – 3432 чети, Новгорода Великого – 1200 четей. Значительное преобладание оклада Нижнего Новгорода объяснялось доходами посада от поволжской торговли.

изменился³⁹. Согласно переписи кон.1670-х гг., в уездном городе Арзамасе насчитывалось 14 улиц и одна слободка, на которых находилось 650 дворов. Особенно высокий прирост населения в Арзамасе исследователи отмечают в третьей четверти XVII в.⁴⁰, но это было характерно, видимо, только для посадского населения – купцов и ремесленников. В эти же годы из-за кровопролитных войн с Речью Посполитой 1654-1667 гг. и Османской империей 1677-1679 гг. становится заметной убыль служилых людей; моровое поветрие 1653-1654 гг. не могло не сказаться на численности крестьян.

На наш взгляд, при анализе демографической ситуации следует учитывать особенности писцовых книг как исторического источника. По классификации А.Л.Шапиро писцовые книги по Арзамасскому уезду отнесены к «арзамасско-шелонскому» типу: здесь «наличествуют только данные о численности дворов»⁴¹. К тому же писцовые и переписные материалы по Арзамасскому уезду XVII в. изданы либо неполно и неудовлетворительно (пример - Писцовая книга 1621-1623 гг.), либо не изданы совсем (источники 1630-х, 1640-х, 1670-х гг.). Поэтому желательно вначале издать данные источники на современном научном уровне, и лишь затем – апробировать на местном материале имеющиеся научные методики подсчета населения тяглого и не-тяглого. До завершения этой работы любые выводы о количестве и движении населения Арзамасского уезда в XVII в. будут неизбежно носить предварительный и приблизительный характер.

События, происходившие в Арзамасском крае во второй половине XVII в., отразились в сохранившихся источниках и в основных чертах известны. Это время в истории России отмечено высоким уровнем развития феодального хозяйства. В государственном устройстве, остававшемся

---

³⁹ Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке..., с.34-35. Подсчеты Н.Ф.Филатова по ряду причин не могут быть приняты безоговорочно и требуют перепроверки. М.С.Суханов приводит иные цифры: «Материалы переписи 1646 года свидетельствуют о высокой численности мужского «черного» и «белого» посадского населения, составляющего 1455 человек, проживали они на 679 дворах. Из них на посаде размещалось 422 двора, где жили 919 человек. Среди них богатые («лучшие») люди составляли 168 человек, состоятельные («средние») 654 человека, менее зажиточные («молодые») - 633 человека, и близкие к бедности («худые») - 30 человек» (См.: Суханов М.С. Социально-экономическое развитие Арзамаса и Арзамасского уезда в XVII веке (по данным переписных книг). Автореферат дисс. ... канд.ист.наук. Н.Новгород, 2005). Впрочем, подсчеты М.С.Суханова также требуют перепроверки, а работа его (судя по автореферату) не лишена существенных недостатков, среди которых главный – неполнота источниковой базы: переписные книги не могут служить единственным источником для оценки социально-экономического развития региона. В ряде случаев обращает на себя внимание небрежность изложения: например, писец Федор Лызлов назван «князем» (?) и т.п.

⁴⁰ Суханов М.С., указ.соч.

⁴¹ Дмитриева З.В., Крайковский А.В. Вклад Александра Львовича Шапиро в изучение писцовых и переписных книг Русского государства // Массовые источники отечественной истории. Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI-XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвященной 90-летию А.Л.Шапиро. Архангельск, 25-26 июня 1998 года. Архангельск, 1999. С.5-15.

традиционно-феодальным и аристократическим, начинался процесс перехода к абсолютной монархии, с повышением роли дворянства. Как отмечал А.Г.Маньков, «наряду с основными институтами собственно феодального строя получили значительное развитие сопутствующие социально-экономические явления – товарно-денежное обращение, начало процесса образования всероссийского рынка, рост торгового капитала и политической роли крупного купечества»⁴². Большую роль сыграло принятие Соборного уложения 1649 г. и последующий значительный рост законодательных актов, которые содержали комплекс норм, регулирующих прикрепление крестьян к земле, а также вопросы, связанные со статусом вотчин и поместий. Пожалования земель служилым всех разрядов были по-прежнему многочисленными, в том числе из-за происходивших войн и необходимости содержания командного состава полков «нового строя». Важнейшей правовой нормой Уложения 1649 г. стало прикрепление крестьян, наследственное для «служилых по отечеству» и потомственное для крепостных. Следствием этого стала отмена урочных лет сыска беглых: крепостные крестьяне становятся «органической принадлежностью» поместья или вотчины независимо от личности владельца⁴³. Известно, что описания земель с кон.1670-х гг. готовили переход от пососного налогообложения к подворному. Но, как справедливо писал С.Б.Веселовский, «подворные переписи имели в виду главным образом вопросы не обложения, а прикрепления, закрепощения тяглых людей, посадских и уездных»⁴⁴. В это время сыск беглых становится обезличенным, массовым и государственно-организованным, причем в челобитных дворян звучала критика правительственного аппарата за недостаточность мер подавления сопротивляющихся крестьян. Запрет перехода крепостных крестьян в города для занятий торговлей и промыслами значительно осложнил развитие городов. На последних крайне негативно сказалась и предписанная Уложением 1649 г. ликвидация белых слобод, от чего на практике пришлось все же отступать. В целом правительственные мероприятия в отношении городов «были по существу проекцией феодального крепостного и поземельного права»⁴⁵. Из-за длительных и далеко не всегда успешных войн с Речью Посполитой, Швецией и Турцией проводились частые «приборы» людей в солдаты и даточные, что оборачивалось страшным бедствием для населения.

Усиление крепостного права, увеличение налогов и податей, упадок торговли и ремесленного производства⁴⁶, тяготы военного времени

---

⁴² Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002. С.161.

⁴³ Там же, с.33, 79.

⁴⁴ Веселовский С.Б. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. М., 1951. Т.VII. С.303.

⁴⁵ Маньков А.Г. Законодательство и право России..., с.93, 132-134.

⁴⁶ Об этом см.: Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке..., с.40-41 (приводимые автором цифры требуют перепроверки; фамилию стольника на с.41 следует читать «Нарбеков»).

неизбежно приводили к росту социального протеста. Высшей точкой активного сопротивления стала крестьянская война под руководством С.Т.Разина. «Разинщина» затронула и Арзамасский край. Появление разинцев в уезде и их попытки овладеть Арзамасом датируются сентябрем 1670 г. Это немедленно привело к восстанию крестьян, поддержавших повстанцев. Для подавления движения в Арзамас 26 сентября прибыл главный воевода князь Ю.А.Долгоруков, устроивший в городе свою штаб-квартиру; в самом городе «для береженья» были размещены московские стрельцы. Бои на подступах к Арзамасу и по уезду продолжались весь октябрь и большую часть ноября: к повстанцам подходили подкрепления из Лыскова, Мурашкина и Вада; их поддерживали жители с.Пуза, где, по видимому, находились главные силы восставших; в ноябре разинцы захватывают в плен драгун, шедших из Арзамаса. Однако перевес сил и лучшая выучка правительственных войск предопределили поражение разинцев. Уже 28 сентября один из отрядов повстанцев был разбит у с.Пуяттино; 30 сентября воевода Ф.И.Леонтьев разбил другой отряд близ с.Арать; вскоре еще один отряд был разбит у с.Кременки. Пленных разинцев отправляли в Арзамас, где 3 октября и 14 ноября по приказу главного воеводы были проведены массовые казни с целью устрашения всех недовольных. 9 декабря «русские люди, и мурзы и татаровья и мордва и черемиса и чуваша» были приведены воеводами к «веру» и «шерти», и, хотя разинцы вновь собирали силы в с.Андреевка для похода на Арзамас, но к концу декабря 1670 г. восстание в уезде было окончательно подавлено⁴⁷.

Другой формой социального протеста во второй половине XVII в. становился церковный раскол. Старообрядчество в Арзамасском уезде хотя и не было столь многочисленным, как на Керженце, однако долгое время сохраняло активность и дожило до наших дней. Судя по сохранившимся источникам, социальный протест в религиозной форме усилился в 1670-х гг., после поражения крестьянской войны: в Арзамасском уезде и примыкавшей к нему Терюшевской дворцовой волости Нижегородского уезда произошли самосожжения старообрядцев. О количестве погибших во время «гарей» позволяют судить свидетельства сохранившихся источников: в с.Вармалей (январь 1672 г.) – 67 чел.; в д.Ковакса и д.Пасьяна, Тешского ст. Арзамасского у. (май 1675 г.) – не менее 79 чел. «Гари» под Арзамасом происходили также в 1676 и 1678 гг.⁴⁸

---

⁴⁷ Хроника событий в Арзамасе и уезде приведена в документах сборника: Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. М.-Л., 1931 (краткая хроника – в указателе на с.404). См. также: Нижний Новгород в XVII веке. Горький, 1961. С.172-212. Предание об Алене «вор-старнице», сожженной в Арзамасе, ныне включено во все популярные очерки и путеводители.

⁴⁸ См.: Филатов Н.Ф. «Огорели ево, Васильевы, крестьяня» (Сведения о самосожжениях старообрядцев в Нижегородском Поволжье. 1675 г.) // Исторический архив. М., 1999. № 6. С.217-219; Сироткин С.В., Морохин А.В. Новый источник о самосожжениях нижегородских старообрядцев 1670-х годов // Очерки феодальной России. Вып.18. М., 2015. С.381-389.

Но, пожалуй, наиболее распространенной формой социального протеста податного населения стали побег. Бежали от произвола помещиков и вообще «сильных мира сего», от непомерных налогов, от очередных «приборов» в солдаты и «даточные»... К последней четверти XVII в. стало очевидным разрушительное воздействие поместной системы на крестьянские миры. Как саранча, помещики «запустошали» землю, с которой разбежались крестьяне, а затем «служилые по отечеству» требовали новых поместных пожалований. Вновь нарастала нехватка земель, и крепостническое землевладение постепенно укрепилось в Среднем Поволжье, а затем на черноземном юге⁴⁹. Новые служилые «города», возникавшие в Пензенском крае, Атемаре, Симбирске, формировались в значительной мере из арзамасцев и их потомков⁵⁰. Их верстали поместной землей с крепостными, и последним оставалось вновь либо сопротивляться без надежды на успех, либо бежать в поисках лучшей доли. Пророческими становились слова М.Е.Салтыкова-Щедрина: «Люди, откровенно называвшие и признавшие себя «людишками» и «сиротами», конечно, никакого иного названия и не заслуживали, но по действиям и требованиям этих «людишек» чужилось, что их самоунижение было лишь данью общему духу времени и что когда-нибудь они сумеют назвать себя и людьми»⁵¹. Арзамасцам предстояло испытать все это на себе – и преодолеть, но уже в другую историческую эпоху.

* * *

Публикуемый сборник включает в себя предисловие, тексты документов, комментарии к ним, приложения, именной и географический указатели, а также содержание (перечень документов). В состав сборника вошло 115 документов XVII века, допетровской эпохи (до февраля 1682 г. включительно), находившихся в делопроизводстве Арзамасской приказной избы. Документы выявлены в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО), в фонде «Арзамасская приказная изба» (Ф.1403) и коллекции Нижегородской губернской ученой архивной комиссии («Коллекция НГУАК», Ф.2013). Обстоятельства и время формирования этих двух архивных фондов неясны; неизвестна и степень полноты сохранности делопроизводства избы⁵². Нами предпринято пофондовое издание

---

⁴⁹ Маньков А.Г. Законодательство и право России..., с.210.

⁵⁰ Ср.: Мигунов Ю.В. Диссертация..., с.272.

⁵¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20-ти тт. Том IV. М., 1966. С.306.

⁵² По сообщению П.И.Мельникова, один из публикуемых документов (в сборнике док. № 1) поступил из архива Арзамасского нижнего земского суда (Мельников П.И. (А.Печерский). Очерки мордвы // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) /Сост. Н.В.Морохин, Д.Г.Павлов. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2011. С.299). Возможно, там же в кон.XVIII-перв.пол.XIX вв. хранились и остальные документы Арзамасской приказной избы, откуда они к кон.XIX в. поступили в Нижегородский губернский исторический архив (предшественник ЦАНО) без актов передачи. Проводилась ли при этом экспертиза ценности, неизвестно. Видимо, первоначально все акты столбцовой формы были включены в коллекцию НГУАК, затем, вероятно, уже в областном архиве с 1950-х гг. прошло фондирование коллекции, оставшееся

выявленных в ЦАНО актов приказной избы, но в него не включались писцовые книги, а также документы по церковной истории как не связанные происхождением с приказной избы: эти две группы источников, на наш взгляд, заслуживают самостоятельной публикации. Почти все документы, вошедшие в сборник, публикуются впервые⁵³.

Текст документов подготовлен в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (Изд. 2. М., 1990) и воспроизводится полностью, с использованием гражданского шрифта и заменой отсутствующих букв («ять», «зело», «кси» и др.) соответствующими буквами современного алфавита⁵⁴. Орфография документов сохраняется, но «ер» в конце слов опускается. Членение текста на слова производится в соответствии с современными правилами. Знаки препинания в публикуемых текстах расставлены также по современным правилам,⁵⁵ членение на абзацы проведено в соответствии с логикой текстов и формуляром документов. Славянская буквенная цифирь передается арабскими цифрами; встречающиеся в документах словесные обозначения чисел передаются

незавершенным. Поэтому часть актов столбцовой формы составила фонды приказных изб (Ф.1402, 1403, 1404, 1406), другая часть осталась в коллекции НГУАК (Ф.2013).

Вместе с тем, часть документов хранилась в Казани и была прислана В.К.Магницким в НГУАК в 1889 г. Об этом см.: Эйнгорн В.О. 1) Сообщение. Приложение к заседанию 26 мая 1889 г. (опись разобранных столбцов, публикация текста грамоты 1623 г.) // Действия НГУАК. Т.I. Вып.5. С.151-153; 2) Копии с столбцов XVII в., доставленных в Нижегородскую ученую комиссию членом ее В.К.Магницким (к заседанию 22 октября 1889 г.) // Действия НГУАК. Т.I. Вып.6. С.225-241.

⁵³ Имеются лишь разрозненные и весьма несовершенные публикации отдельных актов, ставшие уже библиографической редкостью: 1) Снежневский В. Кабальные (13) и другие записи из частных архивов // Действия НГУАК. Т.VII. Сборник в память В.И.Снежневского. Статьи, сообщения, описи и документы. Н.Новгород, 1909. С.132-148; 2) Матюнин И.И. Из документов Арзамасского Воскресенского собора (Материалы по истории Нижегородского края) // Действия НГУАК. Т.XVI. Вып.II. Н.Новгород, 1913. С.1-15 (четвертой пагинации).

Пометы на обложках документов свидетельствуют, что к текстам обращались в разное время архивисты А.Я.Садовский и Н.И.Привалова с явным намерением подготовки публикации. В листах использования дел встречается роспись Александра Михайловича Орехова (1933-2013) – выдающегося отечественного историка-слависта, к.и.н. (1971 г.). Будучи выпускником Московского государственного историко-архивного института и учеником Н.В.Устюгова, А.М.Орехов в студенческие годы специализировался по истории (главным образом, экономической) России XVII в., однако известность получил как специалист по истории российско-польских отношений в XIX-XX вв. и к древнерусской тематике более не обращался (См.: Новая и новейшая история. М., 2014. № 3. С.249-250).

⁵⁴ Приемы передачи текста, выбор принципов формирования заголовков, состав и последовательность элементов публикации подробно обоснованы в нашей статье: Пудалов Б.М. Издание документов XVI-начала XVIII в. в региональных архивах: опыт и проблемы // Отечественные архивы. М., 2015. № 1. С.10-22.

⁵⁵ При этом учитывалась рекомендация А.А.Зиминой: «В целях лучшего понимания актовых материалов следует избегать излишнего усложнения синтаксиса. В частности, при простом перечислении с несколькими союзами «и» можно не ставить запятые, если в данной фразе этот знак часто употребляется». См.: Зимин А.А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959. С.27.

полностью словами во всех случаях; архаические формы числительных сохраняются. Падежные окончания, встречающиеся в документах под титлами при числовых обозначениях дат, отделяются дефисом (типа: «лета 162-го»). Поврежденные фрагменты текстов, восстанавливаемые по смыслу, приводятся в квадратных скобках, и к ним сделаны примечания, оговаривающие характер и размер утрат. Встречающиеся в выписях из писцовых и переписных книг сигла (то есть слова, написанные в виде одной обведенной кругом буквы) передаются буквой, заключенной в круглые скобки: например, (д), то есть «двор»; (в), то есть «во дворе». При издании документов, состоящих из двух и более листов, конец каждого листа отмечается в тексте двумя наклонными чертами, после которых в круглых скобках указывается номер следующего листа. Присутствующие в подлинниках дьяческие записи, пометы, скрепы и справки должностных лиц, адреса и даты получения грамот приводятся после основного текста каждого документа, с соответствующими пояснениями.

При публикации текста документов непростой археографической проблемой стала передача выносных согласных «Д», «Л», «Н», «С», «Т» в случаях, когда эти согласные предположительно звучали мягко и где по современным правилам должен ставиться мягкий знак, - например, в именах типа «Федька», «Васька», «Стенька», а также в словах типа «стольник», «бобыльские». Логично ориентироваться на то, как писались такие слова в сохранившихся документах без выносных, то есть в строку: с «ерь», обозначающим смягчение, или без него. Однако анализ встречающихся вариантов написания показывает заметное разнообразие, в том числе в пределах одного и того же акта. Например, в тексте док.№ 42 встречается написание в строку «Васка» и «Васька»; в док.№ 57 - «Васка», «Пронка» (без «ерь»). Крайне редко встречается написание в строку мягкого Л, но и здесь есть пример: в док.№ 95 (л.2об.) однократно встречается написание «столник» (без «ерь»). Показательно обилие вариантов из-за невнимательности писца в док.№ 65: «большим» (л.3), «евангилским», «детми» (л.3об.), «Васка», «Стенка», но «Пронька» (л.7об.), «Львов» (л.8)⁵⁶. В тексте же док.№ 86, выполненном типографским способом, где нет выносных букв, наблюдается как раз последовательное и единообразное отсутствие «ерь» как знака смягчения, например: «разрушительных писмах», «Полское», «на Вилну» и т.п. В итоге из-за отсутствия орфографической нормы для XVII в. пришлось выносные согласные «Д», «Л», «Н», «С», «Т» в позициях смягчения печатать внесенными в строку и без «ерь», например: «повалным», «столник», «Федка» и т.п.

При наборе текста документов последовательно воспроизведены и оговорены в комментариях все весьма частые проявления диалектного «аканья». Такие проявления имеют значение не только языковое: южнорусское (московское) «аканье» коренным образом отличает

---

⁵⁶ Кстати, в этом же документе писец допустил «ошибку по Фрейду», написав «перепив» вместо «переписав»: наглядное доказательство невнимательности!

арзамасские акты XVII в. от нижегородских, для которых характерно диалектное «оканье». На наш взгляд, это еще одно подтверждение, хотя и косвенное, становления и развития органов управления в Арзамасском уезде под влиянием муромским и рязанским, но не нижегородским. Актуальным, таким образом, становится всестороннее лингвистическое изучение актов Арзамасской приказной избы по сохранившимся подлинникам.

При составлении заголовков к документам мы пользовались «Кратким словарем видов и разновидностей документов» (М., 1974), но опирались также и на методические рекомендации коллег из РГАДА, в первую очередь, на подготовленные покойным М.Ю.Зенченко развернутые замечания и дополнения к новому изданию словаря. Особо отметим, что в заголовках мы указывали лишь учреждения-отправители и адресаты, но не перечисляли должностных лиц, от имени которых был послан или которым направлялся документ⁵⁷.

Документы в сборнике публикуются по схеме: 1) порядковый номер документа в сборнике; 2) дата и заголовок документа; 3) текст документа; 4) примечания к тексту, в которых оговариваются утраты, зачеркивания и т.п.; 5) легенда, включающая в себя: а) архивный шифр; б) количество листов-«сставов»; в) состояние документа (указываются утраты начала или конца, степень поврежденности; хорошая сохранность документов не оговаривается); г) размер листов; д) типы знаков бумаги;⁵⁸ б) тексты адресов, скреп, справ, записей об уплате пошлин, рукоприкладств послухов, а также различных помет на документе;⁵⁹ 7) внешние особенности оформления документа, наличие печатей и оттисков штампов (киноварь и краски в оформлении публикуемых актов не использовались).

---

⁵⁷ Здесь учтено не потерявшее своей актуальности методическое указание С.К.Богоявленского: «Во многих случаях упоминание имен должностных лиц совершенно бесполезно и достаточно упоминания учреждения. Можно кратко написать в описи так: «Память из Посольского приказа в Ямской о присылке подвод для гетманских посланцев», и будет лишним прибавить: «от боярина князя В.В.Голицына и боярина князя А.В.Голицына боярину Гр.Никиф.Собакину» (см.: С.К.Богоявленский в РГАДА (публ. Л.И.Шохин) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., «Наука», 1997.С.370). Для уточнения ведомственной принадлежности грамот и чинов Государева двора использовалось новейшее издание: Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI-XVII вв. Словарь-справочник. М.-СПб., 2015.

⁵⁸ Точная идентификация знаков бумаги, на которой написаны публикуемые документы, не входила в нашу задачу, так как на длинных и узких «сставах» сохранились лишь фрагменты знаков, да и то не всегда. К тому же отсутствие необходимых альбомов филиграней – общеизвестная проблема провинциальных архивов. Тем не менее, мы сочли целесообразным указывать типы встречающихся на листах знаков бумаги в надежде, что это сможет облегчить работу будущим филиграноведам. Альбомы филиграней, которыми мы пользовались, перечислены в списке сокращений.

⁵⁹ Пометы на обложках-конвертах, в которых хранятся дела, не приводятся. Отметим лишь, что обложки сделаны во времена НГУАК, и заголовки на них (практически всегда черновые) написаны членами комиссии – А.Я.Садовским или его учениками. В отдельных случаях заголовки исправлены в 1970-1980-х гг. Г.М.Востряковой, сотрудницей Государственного архива Горьковской области (ныне ЦАНО).

Как и в предыдущих наших работах, мы последовательно различаем примечания (текстологические сноски) и комментарии (исторические пояснения) к документам⁶⁰. Комментарии составлены к каждому отдельно взятому акту и публикуются под его валовым номером, после всех текстов документов. В данном издании к публикуемым актам составлены более подробные комментарии, чем это обычно принято в сборниках документов. Здесь не только обоснованы атрибуция и датировка публикуемого акта и объяснены трудные для понимания слова, но и даны сведения об упоминаемых арзамасцах-«служилых по отечеству», их генеалогии, землевладении и т.п. Такая степень подробности комментирования обусловлена не только древностью документов, не менее десятка которых по формальному признаку «возраста» (подлинники до 1626 г. включительно) могут быть отнесены к категории «уникальные документы Российской Федерации». Необходимость глубокого комментирования продиктована в основном нынешним состоянием исторического краеведения в регионе, в чем пришлось убедиться, познакомившись с бытующими «интерпретациями» док.№ 1⁶¹. Помещенные в конце сборника комментарии как раз и призваны, с одной стороны, минимизировать риск произвольных толкований документов, а с другой стороны, предоставить заинтересованным исследователям известные ныне свидетельства источников в упорядоченном виде и тем самым облегчить последующую работу⁶².

Сборник включает в себя также пять приложений. Два из них содержат родословные документы Болтиных и князей Чегодаевых, тематически связанные с актами Арзамасской приказной избы о землевладении этих родов. В приложение 3 включены 7 небольших актов, выявленные среди дел Арзамасской приказной избы, но относящиеся к делопроизводству Алатырской, Нижегородской и Курмышской приказных изб. Приложение 4 составляют краткие биографические справки о чинах Государева двора и

---

⁶⁰ См.: Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII в. Акты приказного делопроизводства. Н.Новгород, 2009; обоснование – в нашей статье: Пудалов Б.М. Издание документов XVI-начала XVIII в..., с.15.

⁶¹ См. об этом: Пудалов Б.М. Изучение источника и «шлейф» историографии: борьба противоположностей // История и политика в меняющемся мире: сб. научных статей. Н.Новгород, 2015. С.13-23. Примечательно также, что на «книгу для чтения» по краеведению, громко названную «Славное прошлое Нижегородского края», была дана рецензия П.В.Чеченкова, справедливо озаглавленная: «Бесславное настоящее нижегородского краеведения».

⁶² В этой связи интересно замечание ученого-филолога С.А.Рейсера: «Комментарий – сателлит текста». Автор возражал против «перегруженности комментария материалами, непосредственно не необходимыми», но в то же время отмечал, что «недооценка комментария – не менее серьезная ошибка»; «Комментатор должен избегать соблазна комментировать то, что «близко лежит», и не уклоняться от сложных поисков, иначе его работа становится бессмысленной». Кроме того, он считал допустимым размещение комментария не только в конце книги, но и после каждого текста: «Читатель в таком случае имеет возможность без руколомного перевертывания страниц и нудных поисков нужного места сразу же найти пояснение к прочитанному отрывку». См.: Рейсер С.А. Основы текстологии. Изд.2-е. Л., 1978. С.146-150, 158.

приказных, упоминаемых в публикуемых документах. В приложении 5 перечислены должностные лица, управлявшие Арзамасским уездом в 1578-1682 гг., сведения о которых выявлены по опубликованным справочникам или содержатся в актах нашего сборника. Издание завершают указатели (именной и географической) и список условных сокращений⁶³.

В итоге издаваемый ныне сборник документов показывает многие существенные черты жизни Арзамасского уезда в допетровскую эпоху и позволяет глубже понять социально-экономические и внутривластные процессы, происходившие тогда в Российском государстве. Понимание во многом облегчают отличия в формуляре документов XVII в. по сравнению с предшествующими эпохами: большая жизненность, «человечность» актов XVII в. очевидна. Но при попытке осмыслить источник следует помнить важнейшее методологическое указание А.А.Зиминой о том, что «ход мысли и стандарты у человека» далекого прошлого были иными, чем у современного исследователя⁶⁴.

Количественно в сборнике преобладают акты поместно-вотчинного землевладения, показывающие развитие арзамасского служилого «города», имущественные и родственные взаимоотношения между землевладельцами. Наряду с этим, большое научное значение имеют дела о сыске беглых крестьян и взаимных претензиях их владельцев (док-ты №№ 14, 60, 102), поступные записи по этому вопросу (док-ты №№ 53, 54, 82). Интерес представляют также дела о сдаче поместной земли на оброк, в том числе крестьянам (док-ты №№ 19, 76), служилая кабала (док. № 10), долговые обязательства служилых и посадских людей (док-ты №№ 32, 33, 74), акты о владениях мордовских собственников и их взаимоотношениях с русскими помещиками (док-ты №№ 16, 17, 43, 44, 46, 52, 93). Сравнительно редки, но не менее интересны документы посадских и крестьян (док-ты №№ 39, 50, 79), а также служилых «по прибору» (например, док.№ 96 содержит сведения об участии арзамасских пушкарей в Чигиринских походах). В документах о кражах обычно перечисляется имущество, что дает возможность оценить достаток крестьянских семей (док. № 94); роспись тюремных сидельцев (док. № 95) дает некоторое представление о тогдашних разбойниках и их нравах. Для специалистов важен и комплекс дел о земле и имуществе Воскресенского собора (док-ты №№ 22-25, 83), показывающий взаимоотношения причта со светскими властями и помещиками.

Ряд публикуемых документов рисует страшные в своей обыденности картины жизни крепостных крестьян в XVII веке (док-ты №№ 85, 89, 90, 106, 107). Так, в док.№ 102 даже само мирское имя помещика, данное скорее

---

⁶³ В данное издание не включены справочные сведения по русской хронологии и метрологии и о денежном счете XVII в., а также терминологический словарь. Эти сведения можно посмотреть в издании: Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII в. Акты приказного делопроизводства. Сб. документов. Н.Новгород, 2009. С.227-245.

⁶⁴ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. /Сост. А.Л.Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С.124,150.

всего при рождении, оказалось «говорящим»: «Зверь Буянов сын Пасмуров». В док.№ 99 примечателен факт задержания («привода») крестьянина и ведения следствия по одному лишь подозрению в побеге от владельца. При этом в деле нет никаких документальных свидетельств принадлежности И.Кузмина стольнику Б.Ф.Полибину, а сам И.Кузьмин именовал себя церковным бобылем и ссылаясь на освобождение его от крепостной зависимости по «духовной» (завещанию) кн.Н.Шаховского. Расспросные речи крестьянина интересны не только перечнем крестьянского имущества: это еще и яркое свидетельство помещичьего произвола, выраженное незатейливым приказным слогом («...Васку на помещикове дворе мучили и пытали, и замучана ево, Васку, одва жива привезли,... и от той... муки и пытки тот-де сын ево Васка в третьей день умре»). Не менее показателен док.№ 89: годами разлученные крестьянские семьи, подвергавшиеся издевательствам и по сути тюремному содержанию; полная беззащитность крестьян перед помещиком-«смертным убийцем», не признававшим над собой власти закона и не подчинявшимся никаким властям. Но особенно пронзителен образ мальчишки - крестьянского сына, бегущего по полю с остатками оков на ноге и мечтою добраться в поисках лучшей жизни туда, где его никто не знает (док-т № 89, л.11). Документы показывают, как крепостное рабство разрушало человеческие личности не только крестьян, но и их владельцев. Все это - убедительный ответ былым и новейшим рассуждениям о «патриархальности» в отношениях между помещиками и крепостными и чуть ли не о «благе» крепостного права для России.

Помимо прочего, судное дело о беглых крестьянах помещиков Мухановых (док.№ 89) – пример очевидной неэффективности власти центральной и местной в последней трети XVII в. Это обстоятельство на фоне многочисленных фактов, известных из других источников, приводит к выводу об исторической обусловленности и необходимости реформ начала XVIII в., проведенных в правление Петра I.

Поэтому отрывки из док-тов №№ 89 и 99 уместно даже использовать в учебном процессе при изучении крепостного права, ибо они многое объяснят учащимся. Становится понятно, в силу чего характер социально-экономических отношений, утвердившихся в России с конца XVI в., обусловил размах крестьянских восстаний, сотрясавших страну на протяжении последующих двух с половиной столетий, а пережитки феодально-крепостнического строя в итоге привели к трем революциям в начале XX в. и последующим коллизиям отечественной истории.

Составление сборника, подготовка текстов, археографическое оформление документов и их комментирование выполнил Б.М.Пудалов; им же написано предисловие и подготовлены приложения. Указатели (географический и именной), а также переводные таблицы номеров документов и шифров дел подготовили А.С.Гамаев и специалисты отдела информационно-поисковых систем Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО). Составитель искренне благодарит сотрудников ЦАНО Н.И.Зайцеву и Ф.Н.Куликовича за помощь в сверке текстов документов, а

также коллег из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) Ю.М.Эскина, А.В.Антонова и С.В.Сироткина - за методические рекомендации и дружескую помощь в процессе работы. Особая признательность рецензентам, чьи замечания были весьма полезны при подготовке сборника.

Для изучения истории Арзамасского края актуальными остаются подготовка современного научного издания писцовых и переписных книг XVII в. Арзамаса и уезда, публикация арзамасской десятины 1649 г. Тогда у исследователей появится возможность историко-географического и социально-демографического изучения региона, что существенно дополнит наши представления о допетровской эпохе.

«Аще живи будем и обрящемся возможни,
начнем о исправлении
предварших писаний,
да не запнутся
в них
стопы
наши».